

A movie poster with a dark, atmospheric background. In the center, a woman with her back to the camera is wearing a light-colored, patterned dress that is stained with blood. She is looking into a large, ornate mirror. The reflection in the mirror shows a man with purple hair and a dark, menacing expression. The background is a starry space scene. At the bottom, there is a circular, glowing object resembling a planet or a globe, also covered in blood. The text is in a bold, white, distressed font.

ОКСАНА
ЛЕСЛИ

ТВОЕ
ТЕЛО

—
МОЯ ТЮРЬМА

Оксана Лесли

Твое тело – моя тюрьма

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23784749

Аннотация

Девушка из Флориды Мишель – социопат, она не умеет чувствовать окружающий мир как все нормальные люди.

Сознание-душа преступника с Кассиопеи, Тави, помещено в ее тело и вынуждено познавать мир землян через нее. Но срок отбывающего наказание измеряется не временем, а пролитой кровью. Тави и Мишель должны пережить муки и смерть в разных земных носителях во время сна девушки. Оба попадают в разные страны и умирают в разных телах... Мишель и Тави с ужасом открывают для себя планету землян, на которой уживаются три сотни стран и пять тысяч языков и встречаются зверские варварские ритуалы и бездушные, циничные люди. После каждого кошмара тело девушки оказывается в крови или растерзанным на куски, и Тави приходится поработать над регенерацией ее тканей, прежде чем она сможет встать, принять душ и собраться с мыслями.

Сможет ли Мишель помочь Тави обрести свободу и какой ценой? Получится ли у героини обрести свободу от диагноза «антисоциальное расстройство личности» и как? Как тренинг по управлению сновидениями спасет всех?

Твое тело – твоя тюрьма, если ты в это веришь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	28
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	49
Глава 7	60
Глава 8	67
Глава 9	76
Глава 10	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Оксана Лесли

Твое тело – моя тюрьма

*Реальность не имеет ничего общего со словами, которые ты используешь, чтобы описать ее.
Карлос Кастанеда, «Учение Доха Хуана»*

*– Ты сам говорил, что знание – это сила.
– Нет, – сказал он с чувством. – Сила покоится на том, какого вида знанием ты владеешь. Какой смысл от знания вещей, которые бесполезны?
Карлос Кастанеда, «Учение Доха Хуана»*

Глава 1

Мечта – контакт с инопланетной цивилизацией

Моя правая ладонь сжимает рукоятку ножа, в то же время лезвие в левой заявляет о своем присутствии – кровь окрасила вспотевшую ладонь. Боли нет. Мышцы ног затекли от сидения на корточках в темноте.

Для чего я сижу в какой-то нише и подглядываю за влюбленной парочкой на постели? Откуда в моей руке нож? Почему мне не больно? Для чего я подстерегаю как маньяк из фильма ужасов?

Я вижу гигантское зеркало, висящее у изголовья кровати. Оно детально отражает спаривание красивых, молодых, потных тел. Они, по всей видимости, доставляют друг другу невыразимое удовольствие, и меня охватывает негодование.

Нагая девушка, встряхнув длинными розовыми локонами, слезает с партнера и удаляется. Скорее всего, в ванную. Плохо видно. Какой надо быть дурой с низкой самооценкой, чтобы выкрасить волосы в розовый цвет! Я бы никогда так не сделала!

Ее любовник со странными салатовыми кудрями, еще один придурок крашеный. Закрыв глаза, млеет на круглой постели от только что полученного удовольствия.

Я чувствую, как жар кольцом сковывает мое горло, а вены-артерии пульсируют так, словно моя кровь готова фонтаном вырваться наружу и залить всех! Выхожу из ниши резко и бесшумно.

Рывок к постели, я прижимаю бедрами юношу и вонзаю ему нож в пах, изо всех сил двигая лезвие вверх, к сердцу.

Герой-любовник предпринял неудачную попытку меня остановить, схватив за горло. Но рука его слабеет от ужаса и потери крови. Я наклоняюсь ниже к его широко открытым глазам, дышу в лицо... Мое дыхание будет его последним вздохом. Пусть знает, кто лишает его жизни.

Я его не знаю, но он знает меня. Я вижу это в его глазах, но почему? Его руки конвульсивно сжимают просты-

ню, словно она способна дать живительную энергию продержаться до появления помощи извне! Его синеющие губы шепчут странное слово: «Тави!» Что за слово такое? Слово из незнакомого мне языка. Это имя?

Белые простыни, а также мои локти, колени и одежда становятся красными, красивыми, яркими. От этой горячей отрезвляющей кровавой ванны меня начинает тошнить. Я же боюсь крови! Почему же я это делаю?

Все еще сидя на этом мертвом голом юноше, отрываю от его лица взгляд и впиваюсь им, как осьминог присосками, в зеркало над кроватью. Но вместо своего отражения я вижу лицо незнакомца с фиолетовыми глазами и такими же фиолетовыми волосами. Кто это?

Дверь ванной открывается. Вот она, девушка с глупыми розовыми волосами. Кричит что-то, надрывно так, но я не понимаю ее слов. Оправдывается? Просит пощады? Вот тебе, получи! Почему я безжалостно ударяю ее ножом?

Почему у нее... мое лицо? Боже мой! Я убиваю своего двойника?

* * *

Мишель проснулась в холодном поту и села на кровати. А ведь это был сон! Кровавый, абсурдный, тупой сон! Странно, она не являлась поклонницей кровавых фильмов ужасов. Понятное дело, если бы она насмотрелась триллеров-сериа-

лов «Декстер», «Турбаза» или «Пила», и ее подсознание выдало бы такой кубик Рубика через кровавое сновидение. Но ведь вид крови всегда внушал ей панический страх: она даже не может смотреть передачи про животных, где вольные хищники смачно рвут добычу на части и с аппетитом ее пожирают. Наверное, она не смогла бы работать врачом или медсестрой, не говоря уже о профессии криминалиста или даже элементарном донорстве. Тем более – кого-то убить, как она сделала во сне. Словно находясь в чьем-то теле, в теле хладнокровного убийцы, знающем, кто и за что должен расстаться с жизнью. Убийство было спланированным актом возмездия, она это прочувствовала. Наверное, ненависть способна поднять температуру тела. И Мишель было жарко от только что пережитого кошмара.

Огляделась. Все вокруг было привычным. Ее комната. Розовые стены – их много лет назад красил для своей принцессы папа, которого больше нет. Война в Ираке проглотила его, но память, как и цвет стен, осталась. Полки с книгами, два кресла, двухъярусная кровать, комод с зеркалом, письменный стол. Обычно Мишель спала на первом ярусе, а на втором красовались ее плюшевые игрушки из детства: жалко выбросить – некоторые были подарены ее покойными папочкой, бабушкой и дедушкой...

Девушка встала напротив зеркала и стала расчесывать каштановые волосы, внимательно разглядывая себя. Черты лица не крупные, не мелкие. Кожа без веснушек и угрей.

Черные брови и ресницы. Карие глаза. Симпатичная, в папу, в котором текла кровь американских индейцев.

Мишель считала, что внешне она мало чем отличалась от других восемнадцатилетних девушек из Флориды. Не изможденно-худая, как модели-анорексика, и не полная, как надувной дельфин. Без каких-либо шрамов или татуировок. Анжелика, ее мать, с детства учила, что нужно уметь запомниться людям не картинками на своем теле, а харизмой, умением излагать свои мысли, в общем – своим внутренним миром.

Мишель нравилась себе, хотя нарциссизмом не страдала. Ей очень шел легкий золотистый загар: все-таки она жила в доме с бассейном недалеко от пляжа Мексиканского залива.

Мишель улыбнулась. Она знала все про рак кожи, вред соляриев и ультрафиолетовое излучение. Поэтому они с мамой, братиком, отчимом или ее парнем ездили на пляж исключительно до одиннадцати утра или после четырех дня. Из соображений, чтобы самые зловредные излучения не травмировали кожу.

Стоп. У девушки из кровавого сновидения была белая кожа, как будто она никогда не загорала. Цвет волос также отличал Мишель от той, с розовыми волосами. Значит, это был ее странный двойник!

Девушка, все еще в пижаме, села за свой письменный стол и открыла ноутбук. На главной странице появилась фотография со Стивом, соседом девятнадцати лет. Стив учил-

ся в местном колледже на дизайнера одежды. Он был очень вежливым и застенчивым юношей, с мягкими чертами лица. Мишель в шутку называла его своим котенком. Нет, он не был мохнатым, просто она любила кошек. Стив не был brutальным, скорее молчаливым, даже себе на уме, уравновешенным парнем. На фотографии он держал Мишель на руках, стоя по колено в изумрудной воде залива. В памяти всплыли ощущения спокойной радости. Стив был единственным другом Мишель.

Другие девушки в школе интересовались мальчиками, компьютерными играми, спортом; многочисленные селфи и СМС-ки, пребывание в чатах было нормой жизни. Мишель же не интересовало то, чем увлекались ее ровесницы. Ее редко приглашали на дни рожденья или пижамные вечеринки. Она ненавидела толпы и зависимость многих поведать Фейсбуку все, что происходит с ними. Увлечение спортом казалось ей скучным. Когда люди плакали во время просмотра фильма, Мишель чувствовала себя чужой, так как она никогда не сопереживала героям кино и книг. Она понимала разумом слова, внимательно следила за сюжетом, но никогда не ощущала себя на месте героев и не «болела» за них, ее сердце молчало, как будто в ней не хватало каких-то проводков.

К сожалению, в колледж она не поступила после окончания школы. Нужно было что-то делать – то ли работу искать, то ли готовиться к поступлению в колледж заново. Или – и то и другое?

Девушка решила нырнуть в поисковую сеть. Что там ученые пишут про сновидения? Так, они бывают «пассивные», когда сновидящий является наблюдателем, и «активные», когда сновидящий сам находится в центре событий. Сны бывают цветными и черно-белыми. Миллионы ответов и объяснений! И где правда?

Мишель потеряла интерес к сновидениям и вышла в Ютуб, нашла видеоролики с НЛО. Затаив дыхание, она вглядывалась в объекты, которые вполне можно было считать инопланетными. Девушка считала свою жизнь слишком пресной, как дистиллированная вода без фруктовых добавок. Вот некоторым действительно везет: они наблюдают НЛО, кого-то инопланетяне забирают к себе на корабль. А она? Пока довольствуется только телескопом, подарком матери. Мишель бросила взгляд на карту звездного неба во всю стену. Когда-нибудь она станет астрономом или даже космонавтом. Так хочется прикоснуться к звездам, оторваться от Земли и чувствовать что-то особенное, неземное!

Девушка посмотрела на настольный перекидной календарь. Легким щелчком перевернула лист. Воскресенье. Нужно было собираться на мессу – католическую литургию – к одиннадцати часам утра.

Анжелика Редмонд, ее мать, верила и внушала дочери, что жизнь не радуга, не шахматная доска, а зебра. И плохое обязательно сменится хорошей, белой полосой. Только пока ты находишься в белой полосе, нужно позаботиться о том,

чтобы пребывание в черной проходило как можно легче и безболезненной. Для этого жизненно необходимо ходить в церковь, костел или любой храм по своему усмотрению и вероисповеданию, волонтерствовать там, мозолить глаза, обрастать связями и знакомствами. Анжелика искренне считала, что очень важно быть членом церкви, чтобы в случае чего на твою беду тоже откликнулись. Кроме того, мать надеялась, что Бог и вера изменят ее дочь. Девочке был поставлен диагноз – социопатия, врожденное расстройство личности, когда человек равнодушен к чувствам других людей и с трудом поддерживает взаимоотношения. Анжелика верила всем сердцем и каждой клеточкой своего тела, что ее Бог обязательно исцелит Мишель.

Глава 2

Странная регенерация

Каждое утро семья собиралась на небольшой кухне с холодильником из никелированной стали, кухонными шкафчиками «под дуб», небольшим мебельным уголком. На стене около уголка висело огромное зеркало – это визуально увеличивало комнату, и, по мнению миссис Редмонд, помогало ей не переедать. Она вычитала этот совет в какой-то книге то ли по Фэн-шуй, то ли по диетологии: человек не может долго сидеть и поглощать еду, когда видит себя в зеркале за этим занятием.

Две глубокие раковины из нержавеющей стали находились напротив окошка, из которого был виден задний двор с бассейном, цветниками и лужайками. Это окошко делало кухню светлой. На подоконнике красовались цветущие орхидеи в трех керамических горшочках с отверстиями в стенках для их корней, – хобби Анжелики. Она называла орхидеи – цветами для ленивых, так как они не требовали от нее много времени и особого ухода. Раз в неделю нужно было утолить жажду растений, бросив туда три кубика льда, и иногда побрызгать подкормкой из розового пульверизатора «для орхидей». Иногда для блеска листья натирались кожурой бананов, и цветы радовали хозяев долгосрочным цветением. Пе-

риодически орхидеи падали в раковину или на руки того, кто мыл посуду.

Отчим Фред, в белых носках, смешных плюшевых тапках, шортах и фартуке с надписью: «Поцелуй повара», стоял на кухне и жарил оладьи. Мишель недоумевала, почему ее мать купила ему именно этот неоригинальный фартук, с избитой надписью. Может, потому, что Анжелика была заурядной личностью?

Девушка не сомневалась, что ее семья была самой обыкновенной – они не имели никаких влиятельных связей и фантастических планов попасть в книгу рекордов Гиннеса, были совершенно равнодушны к политике. Они даже не ходили голосовать. Анжелика и Фред были убеждены в существовании теневого правительства и в том, что результат голосования был предрешен: все равно президентом США становился тот, кто был нужен тому самому таинственному теневому правительству.

Редмонды жили, как и большинство американцев: на праздник Дня Благодарения запекали в духовке индейку, начинив ее сухарями и ананасом, запускали фейерверки и петарды на День Независимости и Новый Год, нередко жарили барбекю на заднем дворе и подкармливали диких животных в лесопосадке около дома. Иногда они приглашали соседей на барбекю, устраивая вечеринки у бассейна. Только в отличие от большинства сограждан, они не носили обувь в доме,

а складывали ее во встроенную нишу около входной двери, где они вешали верхнюю одежду и зонтики.

Пятилетний Остин, братишка Мишель, общий сын Фреда и Анжелики, с удовольствием завтракал, макая оладьи и пальчики в темный сироп агавы. Полненький низкорослый мальчик с крупным веснушками был похож на забавного медвежонка без шерсти. Старшая сестра обожала тискать его как большую живую игрушку и играть с ним в прятки.

Когда Мишель вышла на кухню, с минимумом косметики, одетая в короткое яркое платье, с бусами из белого жемчуга, она бросила всем привычное:

– Доброе утро!

– Доброе утро, – эхом отозвались Анжелика и Остин.

Фред кивнул. Это было не в его характере отвечать на приветствие по утрам.

Завтраки, приготовленные отчимом, были так же привычны, как две домашние кошки – белая Жасмин и рыжий котенок Тигренок.

Мишель хотела поговорить с матерью о сновидениях, так как та работала по ночам сомнологом в сомнологическом центре. А это значило, что днем она отсыпалась и мало времени проводила с семьей. Анжелика призналась дочери, что выбрала именно эту профессию, так как, являясь брезгливым интровертом, не хотела иметь дело с едой, деньгами, людьми, пылью и кровью. На работе она подключала пациентов к мониторам, и они спали. То есть минимум общения

с людьми, минимум стресса.

– Мам, вот ты все время смотришь, как люди спят. А тебе никогда никто не рассказывал какие-нибудь свои сны? – спросила Мишель.

– Дай подумать... Припоминаю, один пациент пытался меня убедить, что во время сна посещает разные планеты. Очень странный был человек. В мире столько сумасшедших, один Фейсбук чего стоит. У одной моей знакомой собака нагадила под елкой, ее вовремя не выгуляли, так она это дерьмо запостила. Тошнит.

– Спасибо, за завтраком о собачьем дерьме вспомнила, – буркнул Фред.

– Извини, медовый мой. Тупость некоторых бесит. Нет, мне за это не платят – сны выслушивать. Для этого есть психологи, разбираться в ахинее и отклонениях личности да лекарства прописывать.

– А какие сны тебе снятся? – Мишель макала оладьи в мед, и наблюдала, как янтарные капли стекали на одноразовую белую тарелку – Редмонды, как и большинство американцев, часто такими пользовались, чтобы меньше приходилось мыть посуду.

– Снятся, но редко, ерунда всякая. Я никогда не помню свои сны. Тебя мучают кошмары?

Фред молчал, кушая стоя у плиты.

Мишель уставилась на отражение мамы в зеркале. Признаваться или нет? Скорее всего – нет. Если сновидения для

нее ахиней, которой она не придает значения, значит, нечего раздражать человека лишний раз разговорами на никчемные, по ее мнению, темы.

– Нет, я в порядке. Спасибо за завтрак, – сказала Мишель, вставая из-за стола. – Вкусно, как обычно. Ты кошек покормил?

Фред, идеальный мужчина-домохозяйка, резко сорвал с себя фартук и бросил на спинку стула. Он молча посмотрел на нее так, словно был оскорблен ее недоверием к его главным качествам – заботливости и ответственности.

– Конечно, я накормил Жасмин и Тигренка.

– Ты у меня все успеваешь, медовый мой! – промурлыкала томным голосом Анжелика, встав из-за стола, обняла мужа и поцеловала.

Они были женаты шесть лет, и она была до сих пор влюблена в него – низкорослого, мускулистого мужчину с бритой головой, волевыми чертами лица и холодными глазами. Фред мог смотреть на людей пристально и остро, словно протыкая их зрачками-шиллями.

Анжелика не сомневалась, что он вполне мог бы сыграть роль викинга или гладиатора в каком-нибудь голливудском боевике. Мужчина на кухне был для нее символом сексуальности и надежности.

Фред проигнорировал любвеобильность жены, покосился на Мишель, которая достала из холодильника пачку сосисок. Он занимался бюджетом и шоппингом, сосиски покупал не

дешевые, за доллар, а те, что без наполнителей, настоящие мясные, пачку за четыре бакса!

Мишель направилась к двери, ведущей на задний двор.

– Чтобы это было в последний раз! – ей вдогонку бросил Фред. – Хватит переводить продукты! Ты еще ничего не заработала, чтобы выбрасывать деньги на ветер.

Мишель кивнула и хлопнула дверью, а Остин, протерев выразительный ротик салфеткой и бросив бумажную тарелку в мусорку, посеменил за ней, не забыв сказать «спасибо за завтрак!»

Спальный район, в котором они жили, был построен около леса, и люди могли любоваться и беспечными белочками, скачущими с сосны на сосну, и мелкими животными, захаживающими во дворы, – ночными опоссумами, енотами, черепашками и броненосцами.

Субтропическое лето давило жарой и влажностью воздуха даже утром. Но Мишель, выросшая в этом климате, была привычной к духоте. Главное, нужно было перетерпеть три летних жарких месяца, а остальные девять, с сентября по май, можно было наслаждаться и цветением, и мягкой зимой без снега.

Задний двор дома Редмондов выходил в смешанный лес, в котором росли сосны, дубы, американский каштан, магнолии, дикая ежевика и редкие пальмы. Двор по сторонам был обнесен деревянным некрашеным забором, который местами потемнел и стал серым. Анжелика в шутку называла его

«пятьдесят оттенков серого», а нанять кого-нибудь освежить его за двести баксов мойкой под давлением ей в голову не приходило. Вдоль забора – разросшиеся кусты роскошных кустарников – гибискус с оранжевыми цветами, розы, голубые гортензии. Фред подстригал аккуратную зеленую лужайку двора каждые две недели и лично наполнял зерном кормушки для птиц.

Но главными достопримечательностями двора были, конечно, бассейн и незастекленная веранда с белыми деревянными колоннами, на которой уютно смотрелись гриль и пластиковая уличная мебель.

Мишель с Остином прошли в самый конец двора и стали отщипывать кусочки сосисок и бросать их лесным одичавшим кошкам, выглядывавшим из-за кустов отцветших азалий. Они были потомством расплодившихся домашних Жасмин и Тигренка, которых Анжелика пару лет назад пыталась пристроить через социальные сети Фейсбук и Крейгслист, а приемник отказался принимать новых пушистых постояльцев за неимением свободных мест. Пришлось отпустить котят в ближайший лес, где они одичали.

Остин встал на четвереньки, приблизился к одному коту и замыкал. Животное, наверное, восприняло ребенка как соперника, пытающегося отобрать сосиску. Кот оцетинился и поднял лапу, выпустив когти. Мишель ловко схватила братишку и подняла на руки, спасая от возможных ран. Она са-

ма удивилась своему стремительному броску, как на автопилоте. Мишель даже не успела разволноваться за ребенка.

Каким-то образом ее ожерелье порвалось и жемчуг рассыпался по траве. Остин избежал атаки, но его сестре все же достались кровоточащие царапины. Она ойкнула от неожиданности, но направилась к дому, продолжая держать братишку на руках, не чувствуя боли.

На пороге появилась Анжелика, мелкой комплекции, с длинными крашенными в рыжий цвет волосами. Мишель не помнила, какой у нее натуральный цвет волос. Ведь Анжелика их каждый год перед Рождеством красила в новый цвет. Так она удовлетворяла жажду перемен и развлечений.

– Поторопитесь, мои сладкие ангелочки! Мы опаздываем! – позвала она детей и вернулась в дом.

Мишель опустила Остина на землю, и поспешила к дому, чтобы смыть с руки кровь перед поездкой в церковь и наложить пластырь. Но раны исчезли. Девушка потеряла место, где еще несколько минут назад кожа была вспорота когтями кота. Ни боли, ни даже зуда не ощущалось, словно ей все привиделось.

Фред сидел в гостиной перед телевизором, положив ноги в плюшевых тапочках на стеклянный кофейный столик. Он увлеченно смотрел сделанную ранее запись своего любимого шоу «Тысяча путей умереть». Но при виде жены Фред оторвался от экрана и остановил шоу. Он знал, что Анжелика и ее дочь не выносили кровавых сцен, и собирался насладить-

ся ими позже.

Фред критически осмотрел наряд жены, – розовое платье и сапоги до середины голени.

– Ты снова нацепила это? Их давно пора выбросить!

– Почему?

– Этот розовый цвет просто тошнотворный, – он скривил губы, глядя на ее ковбойские сапоги. – Мне стыдно, что моя жена носит такое смехотворное барахло! – При этом он знал, что не собирается появляться с ней в обществе и сравнивать с другими женщинами, у которых есть вкус в одежде.

– Что ты, я никогда их не выброшу! – улыбнулась Анжелика, пощекотав подошву его тапочка. – Эти сапоги я получила в наследство от матери, так же, как и этот выплаченный дом. Ты с нами едешь?

В это время Мишель и Остин вошли в гостиную и услышали разговор родителей.

– Нет, никуда я не поеду. Я и так домохозяйкой кручусь целыми днями, то уборка, то готовка, то бассейн почистить, то травку подстричь, то ребенку почитать. У меня должно быть время, когда я отдыхаю от всех. Совершенно один, понимаешь?

– Ага, чтобы наслаждаться кровавым шоу о казнях и смертях. Я беспокоюсь о твоём психическом здоровье.

Фред усмехнулся:

– История Земли выложена разными казнями и войнами, мне нужно просто побыть одному.

– Терпеть не могу, когда ты жалуешься. Иногда мне тоже хочется отдохнуть. Ничего не делать, не видеть и ни за что не переживать, – отчеканила Анжелика, открыла свою розовую сумку и достала жевательную резинку. Казалось, жвачка ее успокаивала.

Мишель задумалась: «Вот она какая – взрослая жизнь. Люди имеют и крышу над головой, и семью, и работу, а не прекращают жаловаться на эту самую жизнь и мечтать о покое. Как будто они, как в некоторых странах третьего или четвертого мира, живут без электричества, канализации и питьевой воды». Девушка помыла на кухне руки себе и братишке, а потом все вышли в передний двор.

Фред прекратил спор, обнял жену, поцеловал и проводил всех до машины. Он пристегнул Остина на заднем сиденье, в то время как его падчерица села за руль. Анжелика пристегнулась на переднем пассажирском сидении.

– Люблю свой сладкий пирожок! – Фред поцеловал ребенка в крупный веснушчатый лобик и обе пухлые щечки, словно усыпанные корицей.

Остин обнял голову отца:

– До скорого, папа! Я тебя тоже люблю!

Мишель, как большинство американских подростков, водила машину с шестнадцати лет, правда, в основном, когда они ехали всей семьей в магазин или церковь. Она чувствовала себя уверенно, однако никогда не садилась за руль одна: у них была только одна машина на семью.

Двигатель заурчал, а девушка поглядывала на свою руку. Никаких следов от атаки диким животным. Что-то с ней не так. Раньше она не наблюдала за собой такой регенерации. Может, на самом деле, она вовсе не обыкновенная девушка?

Медленно проезжая по своему спальному району, любуясь подстриженными газонами соседей, их цветущими олеандрами и магнолиями, кустами роз и жасмина, Мишель замедлила ход около дома своего парня. Стив тоже собирался в храм с отцом, Крисом, и ждал около серебристого внедорожника, когда тот выйдет из дома. Они дружили семьями, как принято говорить.

Стив заметил проезжавшую мимо машину Анжелики с Мишель за рулем и поприветствовал своих соседей, махнув им рукой. Мишель послала ему в ответ воздушный поцелуй, продолжая путь. Она знала, что скоро они увидятся в церкви.

Они выехали из своего спального района, на перекрестке глаз светофора подмигивал автомобилям зеленым глазом.

Вдруг девушка заметила впереди, справа у обочины, что-то темное. Она включила аварийный сигнал, резко свернула с дороги, припарковалась на траве и вышла из машины.

– Ну, в чем дело? – воскликнула Анжелика, выглянув в окно.

– По-моему, одну из наших диких кошек сбила машина. Надо глянуть, может, ее еще можно спасти. Пойду посмотрю, – загорелась Мишель.

– Прекрати заниматься ерундой! Ты все равно не испыты-

ваешь жалости! Только любопытство! – отрезала недовольная мать, которая знала свою дочь как никто другой.

– Я с тобой! – Остин был весь нетерпение.

– Нет-нет, сиди, через минуту вернусь.

– Мишель! – не отставал братишка.

Напрасная просьба. Хлопнула дверца, сестра убежала.

Анжелика включила радио, делая глубокие вдохи и выдохи. Выходка дочери вызвала у нее раздражение, но она давно научилась себя контролировать. По радио звучали слова популярной песни: «Я разбила свою машину, въехав в мост. Мне плевать». Анжелика представила себе машину легкомысленной певички, этакий кабриолет с открытым верхом, летящую с моста в пропасть, в объятья смерти или, на худой конец, инвалидности, ухмыльнулась и стала отбивать ритм своими ноготками, – почему глупые песни становятся хитами?

Мишель приблизилась к темному пятну. Да, это был огромный котяра, разможенный колесами машины. Черви методично, с аппетитом, пожирали его тело. Вид крови и разложения вызвал у нее легкую тошноту. Она пожалела о том, что вообще остановилась. Девушка сморщилась от отвращения и зажала нос пальцами, но запах распада и смерти уже успел залезть к ней в носовые пазухи и запомниться всем мозговым извилинам, вместе взятым.

Анжелика отстегнула ремень безопасности и вышла из машины. Подавив брезгливость и тошноту, не желая рас-

смаатривать лежащее на земле темное пятно, она изо всех хлопнула дверцей и язвительно поинтересовалась:

– Ну что, спасла? А как ты себе это представляла? Думаешь, дикое раненое животное позволило бы так просто себя взять и положить в багажник? И кто бы возил его к ветеринару, на какие шиши? Может, тебе нужно на ветеринара учиться, а не в астрономию лезть?

Мишель встретила суровый взгляд матери без ответных сарказма и агрессии.

– Поздно, – ответила расстроенная девушка.

Мать сплюнула жвачку в траву прежде, чем сесть в машину.

– Могильные черви – такая мерзость, – перевела дыхание Мишель, поглаживая руль.

– Откуда в киске черви? – спросил с заднего сиденья любознательный Остин.

– Когда мы умираем, они увеличиваются в размерах, поедают нашу плоть и обретают свободу, – выдала Мишель братишке измененным голосом, и округлив глаза, как будто страшную сказку рассказывала.

– Бип-бип, – Анжелика издала звук, который используется в ток-шоу, когда участники выдают неправильный ответ на вопрос. – Внимание. Правильный ответ. Могильные черви – это стадия развития обыкновенной мухи. Они не живут в наших телах. Я считаю, что твоя тюрьма – это невежество. Если бы ты не увлекалась всякой ерундой типа фантастики

и уфологии, а получше училась в школе, то бесплатное обучение в колледже тебе было бы обеспечено, потому как ты у меня неглупая. Мы из-за тебя теперь на службу опоздаем.

Мишель, не оскорбившись и не огрызаясь, стала прихорашиваться, глядя в зеркало. Легкомысленная песня, по всей видимости, подняла ей настроение, она подергала плечами, пританцовывая и повторяя: «Я разбила машину о мост. Мне это нравится. Наплевать на все».

Не включив поворотник, Мишель резко вывела машину на дорогу.

Внедорожник Стива и Криса не успел затормозить и на полной скорости врезался в их легковушку.

Анжелику, которая забыла пристегнуться, как теннисный мячик подбросило к потолку автомобиля. Машина рухнула в канаву на обочине дороги, а торчавший в канаве металлический штырь проткнул заднюю пассажирскую дверь и ребенка насквозь как коллекционер – беззащитную бабочку. Вскрик Остина слился со скрежетом металла и звоном разбивающегося лобового стекла.

Подушки безопасности, словно вырвавшись из тесных камер, как беглецы на волю, ударили мать и дочь по их красивым лицам. Руки Мишель больше не держались за руль – они обнимали подушку безопасности.

Мысли девушки, как разворошенный муравейник, зашумели в голове беспорядочно и громко: «аварию устроила», «дура», «жива ли мамочка», «кто вызовет полицию», «вер-

толет», «что с братишкой»... Она перевела взгляд на чистое голубое небо, словно подглядывающее за ними через отверстие в разбитом лобовом стекле.

Мишель перевела взгляд на свои руки, из которых торчали осколки стекла. Ей стало нехорошо от вида собственной крови. Вдруг осколки один за другим стали выпрыгивать из ранок. В голове при этом был какой-то шумок, как при настраивании радио, – дребезжание неприятное, но негромкое. Раны Мишель затягивались стремительно быстро, боль затихала, шум в мозгах прекратился, как будто кран с бегущей водой резко закрыли.

– Мишель, ты в порядке? – она услышала тревожный голос Стива.

Крис и Стив, целые и невредимые после столкновения, сразу позвонили «девять-один-один». Некоторые водители отменили свои планы и припарковались на обочине, чтобы помочь пострадавшим и дожидаться приезда полиции.

Не успев отреагировать на вопрос своего парня, девушка потеряла сознание. Сознание, напротив, не потерялось, а отдалось новому сновидению.

Глава 3

Убийца с волосами цвета лаванды

Опять это замкнутое пространство, неудобная поза, это уже было! Мышцы моих ног неприятно затекли от сидения на корточках в какой-то нише. Я подглядываю за влюбленной парочкой, самозабвенно спаривающейся. На полу разбросана одежда.

Я сжимаю рукоятку ножа в одной потной ладони, а лезвие – в другой. Кровь. Безболезненно появилась.

Нагая девушка, мой двойник, встряхнув длинными розовыми локонами, медленно слезает с партнера и удаляется в ванную. Со стороны кажется, что она двигается наигранно, как будто ее в порнофильме снимают и она должна выглядеть наиболее сексапильно и упруго. Но партнер не в состоянии оценить ее старания. Нагой любовник с салатовыми кудрями, закрыв глаза, млеет, раскинувшись на постели, от только что полученного удовольствия. Я его не знаю, но почему он меня так бесит? На самом деле, меня ничто никогда не бесит. Я испытываю чувства нового диапазона, о которых читала и смотрела, это не мои чувства...

У меня нет никакого желания вылезать из этой проклятой ниши. Но я не в силах контролировать тело, в котором нахожусь. Я в теле безумца, в теле убийцы. Ничего не могу

с этим поделаться.

Кажется, что огненное кольцо сжимает горло, сердце стучит быстро, как обкурившийся африканский барабанщик. Ощущение такое, словно кровь вот-вот вырвется из моих вен подобно фонтану!

Выход из ниши. Рывок к постели. И нож, вонзенный в пах, продвигается твердой рукой убийцы вверх, к диафрагме. Парень предпринимает неудачную попытку остановить меня, но рука жертвы слаба от потери крови.

Я дышу в лицо умирающему, ловлю его последнее дыхание и затухающий свет салатových глаз. Глаза у него красивые, ресницы и губы подрагивают, это завораживает.

Последние слогИ, предсмертные, срываются с губ несчастного: «Та-ви!»

– Рокс, – шепчу в ответ я.

Почему-то я знаю, что Рокс – это имя моей жертвы. А Тави, скорее всего, имя убийцы?

Я отрываю взгляд от мертвых глаз и начинаю разглядывать свое собственное отражение в зеркале. Это лицо убийцы, сейчас это мое лицо. Молодой парень, белая кожа, как у вампиров в фильмах ужасов, капельки пота на гладкой коже лба. Фиолетовые вьющиеся волосы и глаза цветы лаванды. Очень привлекательный, безумный юноша.

Рокс мертв.

Я, глазами убийцы, сканирую все вокруг: вижу ванную комнату с одной стороны, нишу с другой, зеркало над кро-

ватью. Четвертая стена лишена окон, картин – совершенно пустая, почему-то с металлическим отливом, даже мебели около нее нет.

Дверь ванной открывается. Странно видеть себя со стороны: обнаженной и с розовыми волосами. Игривое выражение лица моего двойника сползло так же быстро, как лавина с гор, при виде мертвого любовника.

– Прекрасно проводишь время, Альраами! А я вот решил присоединиться к вам. Извини, кажется, я немного опоздал.

– Как ты мог, Тави! Не подходи ко мне! – Альраами, закрыв ладонями уши, начинает истошно кричать. – Помогите! Помогите!

Я спрыгиваю с уничтоженного соперника и приближаюсь к ней.

– Гадкая, подлая лгунья!

Взмах ножом и удар по истошно закричавшей девушке, в то время как жгучая вибрирующая петля ненависти затягивается на моей шее.

От криков Альраами сработала какая-то сигнализация: потолок замигал и стал менять цвета. С резким звуком сирены стальная стена спальни бесшумно сложилась подобно вертикальным жалюзи.

Я замираю на месте и поворачиваюсь лицом к исчезнувшей стене, прищуриваюсь.

В зияющее пространство стремительно влетают блестящие шары размером с баскетбольный мяч. Они враща-

ются вокруг собственной оси, как глобусы, нависают над Роксом и Альрами, увеличиваются в размерах, превращаясь в коконы, создавая вокруг бездыханных тел непробиваемые прозрачные овальные оболочки. Затем эти коконы спасения поднимаются в воздух и исчезают из вида. Я – в шоке от увиденного.

До моего сознания доходит, что шары – это роботы, которые функционируют как полиция и «скорая помощь» в моем мире. Один робот-шар, повиснув над моей головой, направил на меня красный луч-транквилизатор. Сломленный невидимой силой, я роняю нож, падаю сначала на колени, а потом лицом вниз, прямо на одежду своих жертв. Не чувствую ни боли, ни огненной давящей петли.

– Вы арестованы, Тави!

Я теряю сознание, и мир вокруг меня исчезает.

Глава 4

Открытия Мишель

Спасатели осторожно извлекли из помятой машины Мишель, Анжелику и Остина. Они перенесли Мишель на носилках в карету «скорой помощи», а Остина и Анжелику – на прибывший вертолет. Крис, Стив и другие свидетели давали полицейским показания.

«Состояние стабильное, девочке повезло!» – услышала разговор девушка.

«Я в порядке», – пробормотала она, удивляясь, что совсем не испытывает боли. Мишель, не открывая глаз, мысленным взором стала ощущать свое тело.

В голове картинки из сна сменялись картинками из действительности. То она рассматривала мертвую кошку, то наблюдала, как осколки выпрыгивают из ее тела и затягиваются раны.

Она вспомнила свой кошмар! Повторился же, и даже с продолжением. И все связно, не какая-нибудь белиберда, которая забывается, как только проснешься. Мишель пыталась вспомнить детали, но мысли разбегались, как тараканы от света фонарика.

Какие-то ученые в своих научных статьях, которые Мишель читала в Интернете, объясняли сновидения имитацией

реальности мозгом человека. Но откуда образы, которые она не могла наблюдать нигде, ни в фильмах, ни в книгах? Откуда взялись эти роботы-шары и сигнализация, реагирующая на истошные крики?

Вскоре Мишель оказалась в больнице. Слышно было негромкое постукивание колесиков носилок-трансформера о пол холла. Она оказалась в кабинете магнитно-резонансной томографии. Девушка закрыла глаза и стала вслушиваться в ощущения своего тела. Ни малейшего дискомфорта она не испытывала.

В аппарате магнитно-резонансной томографии она ощутила себя как в гробу, похороненной заживо. Ее сердце сжалось от страха. Мишель слышала методичное постукивание, которым сопровождалась работа аппарата. Девушка понимала, что результаты обследования определяют, как долго ей предстоит находиться в госпитале, есть ли внутренние переломы и разрывы органов... Может, ей нужна срочная операция?

Мягкое, обнадеживающее ощущение, что с ней все в порядке, обняло ее сознание и тело. Мишель вдруг показалось, что она летит, нет, падает вниз головой и проваливается то ли в вату, то ли в облако белого зефира...

Она лежала с закрытыми глазами и незаметно для себя снова отключилась. Сон опять засосал ее в другую вселенную.

Девушка увидела себя лежащей на небольшой жесткой ку-

шетке. Серебристые ремни крепко стягивали ее тело. Она оглянулась – маленькая светлая комнатка без окон, ламп, мебели и дверей.

Перед ее лицом появился блестящий шар размером с теннисный мяч. Мишель перевела дыхание, рассматривая свои черты в зеркальной поверхности, нависшей над нею. Это были не ее черты, а лицо незнакомца-убийцы с глазами цвета лаванды и фиолетовыми волосами.

Изнутри шара возник красный сканирующий луч и коснулся лба Тави. Шар стал увеличиваться, превращаясь в плоское прямоугольное зеркало, напоминающее плазменную панель телевизора.

– Тави с Кассиопеи, заключенный номер двадцать восемь. Вы осуждены за убийство.

На поверхности зеркального прямоугольника появилось лицо жертвы с салатовыми волосами, Рокса.

– Ты кто? – услышала Мишель голос преступника, в чьем теле находилась. Он сжал кулаки и зубы.

Экран снова превратился в серебристый шарик, размером с футбольный, и все тем же металлическим голосом ответил:

– Я – Смотрящий. Я контролирую ход и качество вашей реабилитации.

– Альрами мертва?

Портрет девушки с розовыми волосами появился на поверхности Смотрящего.

– Альрами пока в коме. Если она и ваш не рожденный сын

не выживут, то ваше тело будет уничтожено.

Тави несколько раз ударил кулаками по кушетке, к которой был привязан.

– Откуда я знаю, что это мой ребенок! – воскликнул надрывно преступник.

– Генетические анализы уже проведены, – прозвучал уверенный ответ. – Поздравляю вас! Цивилизация кассиопейцев, как вам известно, поражена бесплодием, и естественное зачатие само по себе – исключение из правил!

Портрет Альрами исчез с поверхности шара, и Мишель снова увидела в нем отражение Тави. На мгновение его фиолетовые глаза стали влажными, но он ничего не сказал. Она ощутила, как кассиопеец сжал кулаки и сомкнул веки.

Мишель чувствовала: новость об отцовстве терзала и раздирала ревнивую душу мучительными сомнениями. Она слышала пульсирующие мысли преступника:

Знай он о беременности, поднял бы руку на свою возлюбленную? Позволил бы ей быть счастливой с другим?

Ему казалось это невероятным: он, такой еще юный, и уже – отец! Его гены, его кровь, его энергия будут пульсировать в другом, новом теле! Если, конечно, Альрами выживет. Как же ему вдруг захотелось, чтобы она выжила, чтобы доносила ЕГО ребенка. Ведь это его продолжение, и ДНК Тави не исчезнет со смертью его физической оболочки.

Мысли вращались в его голове как пульсары во вселенной.

Глава 5

Смертельные новости

Мишель очнулась от триллера-сна и увидела белый потолок с текстурой попкорн. Другая реальность отступила, чуждая и непонятная реальность, в которой она – молодой мужчина Тави, убийца из другого мира, с фиолетовыми волосами, арестованный полицейскими-шарами и осужденный на какую-то непонятную реабилитацию.

Память, как вулкан, взорвалась картинками из только что пережитой катастрофы: внедорожник протаранил ее автомобиль, разбитое лобовое стекло, крик Остина, карета «скорой помощи», взлетающий вертолет.

Девушка пошевелила сначала пальцами ног, потом рук. Все двигалось, и при этом не возникало никаких неприятных ощущений. Значит, обошлось без переломов. Она стала себя ощущать: вот шея, лицо, ногти. Мишель не помнила, как ее облачили в больничную одежду.

Огляделась. Одноместная палата с небольшим телевизором, прикрепленным к бежевой стене, тумбочкой, двумя жесткими стульями и уборной. Линолеум с рисунком «под паркет», пастельных тонов репродукции с изображением неприметно-бесхарактерных пейзажей в дешевых деревянных рамках, вертикальные пластиковые жалюзи на ок-

нах.

Фред сидел на стуле около ее постели и молча грыз ногти – странная привычка, которой Мишель за ним раньше не наблюдала.

Отчим, хозяйственный во всех отношениях, в глазах Мишель был неудачником. У него не было ни образования, ни профессии, ни сбережений, ни кредитной истории. Сын Остин был единственным достижением в его жизни.

Мишель была осведомлена, что отчим отбывал наказание в тюрьме за наркотики, а потом по программе реабилитации попал в приют для бывших зэков, так как ему некуда было деваться. Родственников у него не осталось, а наследства – тем более. Если бы не приют, то ему была одна дорога – жизнь под мостом или новые преступления ради крыши над головой.

Мишель слышала от него, что приют для бывших заключенных – это что-то вроде дома, в котором в каждой спальне по несколько трехъярусных кроватей и одна кухня на двадцать мужчин. Заведением владел и управлял некий пастор, чья миссия заключалась в спасении душ бывших преступников и направлении их на путь истинный. Пастор помогал им встать на ноги, овладеть профессией, ставил на учет на биржу труда и пытался научить мыслить по-христиански: «Не укради, не убий, работай в поте лица своего». Каждый вечер бывшим заключенным он читал Библию и объяснял те или иные моменты, к чему Фред относился как к промыванию

мозгов, от которого его воротило. Но нехристианских приютов для бывших падших ангелов, где бы не навязывали то, во что он не верил, не было.

Каждое воскресенье всех жильцов приюта возили на автобусе в церковь. Там Фред познакомился с матерью Мишель, Анжеликой. Ее мозги, еще не очухавшиеся после потери любимого мужа, застряли в его сладких словах как муха в тягучем сиропе. Фред получил все: жену, дом, сына со своими генами и статус мужа-домохозяйки. Его эта жизнь устраивала, и поэтому Мишель считала его неудачником и везунчиком одновременно: человеком, который сумел воспользоваться ситуацией. Мужчиной, который не в состоянии содержать семью, а сидит на шее женщины.

Ее размышления об отчине были нарушены внезапным уверенным, но негромким стуком в дверь палаты. Отчим, услышав стук, вскочил как ошпаренный.

Вошел врач, высокий седой мужчина лет шестидесяти, с седыми бровями, усами как у Сальвадора Дали, но белыми и густыми. Если бы врач отрастил еще и бороду, то сразу стал бы похож на Санта-Клауса!

Фред сделал шаг навстречу врачу. Его глаза коснулись именной таблички на халате – «доктор Смит». Доктор заметил, что Мишель с вниманием изучала его, и искренне обрадовался:

– Спящая красавица проснулась! Добрый день, Мишель. Я твой лечащий врач, доктор Смит. Пожалуйста, не делай

пока никаких резких движений. – Доктор перевел взгляд на Фреда и протянул ему руку, на что тот нехотя ответил рукопожатием:

– Фред Редмонд. Я отчим этой девушки. Что с ней? – голос его звучал глухо, как будто он находился в пещерных катакомбах и в его глотке застряла летучая мышь.

Доктор пробежался глазами по принесенным документам.

– Мистер Редмонд, вам не о чем беспокоиться. Девушке повезло. Никаких сотрясений и переломов.

– Как долго она пролежит в больнице?

– Завтра выпишем.

– А что произошло? – прошептала Мишель, стиснув подушку.

– Брата ты своего убила, вот что произошло! – заорал Фред и вышел, чуть ни сбив врача с ног.

Девушка, ошеломленная новостями, словно окаменела. Маленького Остина больше нет? Из-за нее? И их последний разговор был о каких-то дурацких червях! Она пыталась вспомнить его последние слова, его взгляд, но в голове торчал занозой только образ дохлой кошки.

– Я еще зайду, – слова доктора прозвучали как сквозь туман. – Сделаю кое-какие распоряжения относительно вас.

Доктор Смит прислал в палату Мишель пару медсестер, и они стали колдовать над пациенткой: измеряли давление, температуру, записывали пульс, взяли кровь из вены на анализ. При чем медсестры сперва проговаривали, что будут де-

лать, когда к ней прикоснутся, – это докучало. Но Мишель понимала, что такое поведение медперсонала было в правилах всех госпиталей – чтобы защитить себя от возможных судебных тяжб. Для этого считалось в порядке вещей провести даже ненужные анализы и тесты, особенно когда было известно, что медицинская страховка все оплатит сполна. Пока медсестры работали, Мишель думала о том, знают ли они, что она виновница аварии, убийца собственного братика. В голове не укладывалось, что все произошло именно с ней и ее близкими. Мысли-догадки судорожно барахтались, как глупые жирные мухи на липкой ленте.

И почему Фред ничего не сказал о маме? Если бы с ней все было в порядке, она бы, наверное, уже посетила дочь?

Раздался стук в дверь. Не слишком громкий и не слишком тихий. Знакомый такой стук.

– Стив, заходи, – вяло промолвила Мишель. Никого не хотелось видеть.

– Привет! – в комнату вошел ее парень.

Он был в той же одежде, что и утром, когда собирался на службу: в рубашке персикового цвета и бежевых брюках.

– Привет. Как ты узнал, что я попала в больницу? – удивилась Мишель и села на постели.

Юноша присел на стул рядом, взял ее за руку и перевел дыхание.

– Я вызвал «скорую помощь». Мы врезались в твою машину. Прости меня, Мишель.

У девушки было чувство, словно ее ударили в живот и вырвали зуб без наркоза одновременно: внезапная жгучая боль в животе и резкая головная боль почти оглушили сознание, в глазах потемнело. Несколько минут она сидела молча, в ушах шумело, она была не в силах сделать глубокий вздох. Если бы она стояла, то обязательно упала бы.

– Что со мной происходит? Я...

– Может, это была паническая атака? Я читал где-то.

Когда приступ закончился, она расправила плечи и посмотрела на Стива.

– Что с мамой?

– В реанимации. Больше ничего не знаю, – юноша, немногословный от природы, не мог подобрать слов, чтобы утешить подругу.

– Я хочу побыть одна.

Он поцеловал ее в щеку и попрощался:

– Ну, отдыхай. Пока!

– Пока, – эхом ответила девушка, провожая его взглядом.

Иногда ей казалось, что у ее друга тоже есть какое-то расстройство личности. Может, именно поэтому их притягивало друг к другу.

Весь день после посещения Фреда и Стива девушка таращилась в телевизор, переключая каналы. Но ничего не могла найти про свою аварию в местных новостях. Ей приносили ланч и ужин, но она к ним не притрагивалась. После многочасового пребывания в полушоковом состоянии, Мишель

поднялась с постели, зашла в уборную, включила воду и разревелась.

Вот она, жизнь, такая привычная, а развалилась на глазах как жемчужное ожерелье. И невозможно восстановить, ведь Остина больше нет. Он связывал их семью, делал всех счастливее, веселее, роднее. Как же можно жить теперь без него? Наверное, эта авария разбила сердце Фреду. Мишель не могла даже представить, что чувствует отчим. Она боялась встречи с ним, боялась снова заглянуть в его глаза.

Умываясь, пытаясь успокоиться, девушка увидела в зеркале знакомое лицо. Глаза цвета лаванды пристально смотрели на нее. Мишель сощурилась, рассматривая свою галлюцинацию. Именно это лицо она видела в своих кошмарах-триллерах. Как антигерой кровавого сновидения просочился в реальную жизнь, она не понимала и понимать не хотела.

Остин мертв, а я схожу с ума. Мне нужно выспаться.

Вернувшись в палату, она открыла окно и уставилась на блеклое пятно луны. Цикады и сверчки отчаянно славили жизнь и июнь, в то время как летучие мыши на них охотились. Мишель вернулась к постели. Воспоминания о братишке накрывали ее как волны серфингиста. Остин любил рисовать ее красной помадой на зеркалах, носил на голове ее бюстгальтеры, играя в Красную Шапочку, и сбрасывал плюшевые игрушки со второго яруса кровати, с криками – «плюшевый дождь».

После нескольких часов ворочания и плача, ее разум был истощен и снова выдал ей кошмар с преступником с глазами цвета лаванды.

* * *

Рано утром в палате появилась дежурная медсестра в униформе – измерить давление, температуру и пульс пациентки. Всякий раз, прежде чем прикоснуться к девушке, медсестра предупреждала о своих действиях, не задавала личных вопросов и тихо удалилась.

Позже мягкой походкой вошел улыбающийся доктор Смит. Мишель не понимала, как можно вот так весь день прятаться за улыбку в таких невыносимо тяжелых условиях: пациенты, раны, стоны... Может, он знает секреты выживания в стрессовой ситуации?

– Доброе утро! А я вас выписываю! Как спалось?

И тут муха-мысль судорожно отцепилась от липкой ленты-стыда, вырвалась на свободу неожиданно для самой хозяйки:

– Нет. Меня преследуют кошмары, – поведала Мишель доктору, так похожему на Санта-Клауса, что ему нельзя было не довериться. – Как будто я в теле маньяка, в другой цивилизации совершаю преступления. Одна из жертв в сновидении – мой двойник. С розовыми волосами. Думаете, мне нужен психолог? – Она старалась скрыть волнение, делая свой

голос нарочито равнодушным.

Доктор присел около нее и улыбнулся.

– Меня тоже раньше преследовали кошмары. Я боялся уснуть и попасть в тот же самый мир. Иногда снились операции, которые я только что провел. Иногда – пациенты, которым не удалось спасти жизнь. Я бы очень хотел спасти всех. После летальных исходов не могу прийти в себя несколько дней.

– В тембре его голоса были переплетены успокаивающая энергетика и незыблемая мудрость.

– Ну и? Вы победили свои кошмары с преследующими пациентами? – Мишель сама не понимала, что конкретно ей хочется услышать.

– Я читал книги Карлоса Кастанеды. Это помогло. Слышала о таком авторе?

– Нет. Он – американец? – Мишель покачала головой.

– Да, Карлос Кастанеда писал бестселлеры о шаманизме. Шаманы учили его контролировать сны. Есть другие авторы, которые пишут про управление сновидениями. Например, русский мистик Вадим Зеланд. Когда ты поймешь, что являешься хозяйкой своей души, то сможешь преследовать свои кошмары сама.

– Это как? – девушка все больше и больше обалдевала.

– Ну, что-то типа... Ты спишь и вспоминаешь, что ты спишь. Щелкаешь пальцами – и приказываешь сновидению развиваться по другому сценарию. Почитай Кастанеду, Зе-

ланда. Займись йогой. Если это тебе так интересно. – Он глянул на ручные часы. – Документы о выписке я подписал.

Стук в дверь. Фред вошел, держа под мышкой пакет с одеждой для падчерицы, метнул в нее неожиданно. Она неловко поймала пакет, но все равно нижнее белье высыпалось на пол. Девушка покраснела, собирая свои вещи, содрогаясь от неприятного ощущения, что к ним прикасались руки отчима.

– Приветствую, доктор, – Фред подошел к нему и протянул руку, не удостоивая падчерицу даже взглядом.

Доктор встал, пожал руку Фреду и вручил ему тонюсенькую глянцевою брошюрку.

– Вам нужно найти профессиональную сиделку. Надеюсь, ваша страховка позволит это сделать. В этой брошюре информация, которая вам пригодится, о всех группах поддержки и сервисах для инвалидов нашего города. Крепитесь, мистер Редмонд.

– Профессиональные сиделки? Я так ничего и не поняла, доктор. Что с моей мамой? – Мишель внутри сжалась как пружина.

– У Анжелики Редмонд перелом позвоночника. Переломы позвоночника бывают разные. В одних случаях у человека отказывают только ноги, в других – и ноги, и руки. У вашей мамы тетрапарез – паралич четырех конечностей. Ко всему прочему она находится в кататоническом состоянии. Это состояние, в котором пациент практически не двигается

и не реагирует на окружающий мир. К счастью, вам не придется кормить ее через зонд. Дышать и жевать она сможет самостоятельно. Всему остальному ей придется научиться заново: видеть, говорить, может, даже ходить.

– Овощ, одним словом, – сквозь зубы добавил Фред. – Что-то вроде картошки или морковки. Выбирай, – выходя из палаты, он смял брошюрку и кинул в пластмассовое мусорное ведро, как будто в его руках была не бумажка, а нож, который он кидал в цель.

– Никогда не исключайте чудо. Только Богу известно, когда оно заявит о себе. Чудеса – неисправимые проказники, – доктор ткнул пальцем в потолок, зашевелил губами, как будто пробормотал молитву, славя невидимые силы, и вышел.

Мишель быстро оделась, думая о матери. В памяти промелькнула сцена в гостиной, когда Анжелика пожелала ничего не делать, ничего не видеть и ни о чем не волноваться. Девушка верила в исполнение желаний, но такая реализация была слишком скорой и жестокой. Она возвращалась домой, зная, что ее братишки нет в живых, а мама стала инвалидом. По ее вине.

Фред ждал ее в коридоре, рассматривая дизайн линолеума.

Вскоре Фред и Мишель молча шли по больничному коридору. На стенах висели все те же незапоминающиеся картины с изображением скамеек около деревьев, мостиков через прудики – неяркие тона, не тормозящие воображение и не

изумляющие взгляд пациента.

Затем Мишель и Фред безмолвно ехали в лифте со стенами из нержавеющей стали. Она не могла дождаться, когда же наконец покинет стены госпиталя и вздохнет полной грудью свежего воздуха.

Через несколько мгновений автоматические двери хлопнулись за ними. Мишель вдохнула свободу. Но воздух не был свежим, скорее наоборот, субтропическим, раскаленным, словно в парной. В стенах прохладного госпиталя она забыла, что во Флориде властвовал влажный и удушающий июнь.

Вскоре они оказались на малоприметной автобусной остановке около больницы: скамейка с какой-то рекламой, небольшой навес от дождя.

– Я разбила нашу машину? – Мишель не поняла, почему они будут ждать автобус.

Она вдруг поняла, что не видела, в каком состоянии был их автомобиль после аварии. Просто слегка помятый или раздолбанный до такой степени, что его нужно утилизировать?

– Нет, сахарный пончик, ты разбила наши жизни, не только машину, – он ответил, как обычно, используя придуманные им прозвища. Мишель не понимала, это его привычка подшучивать или он по натуре просто гавнюк.

Автобуса не пришлось ждать долго – повезло, останавливался часто, ехал медленно, но там работал кондиционер,

было комфортно, и Мишель даже задремала. Ей снова начал сниться все тот же кровавый сон, но Фред ее разбудил, постучав легонько по плечу. Девушка вдохнула с облегчением – протыкание ножом ее двойника с розовым волосами в который раз не приносило большой радости.

Они сошли на остановке около одноэтажного здания с кирпичной облицовкой и коричневой крышей. Здание выглядело строгим, недалеко на шесте развивался гигантский американский флаг.

Мишель прочитала название бизнеса: «СЛИПТАЙТ И СЫНОВЬЯ, ПОХОРОННЫЙ ДОМ И КРЕМАТОРИЙ».

– Почему мы здесь? – удивилась она вслух и сразу прикусила язык.

– А у тебя другие планы, мое клубничное пирожное? Тело Остина из больничного морга перевезли в похоронный дом. Вскрытие сделали, рапорт написали. Мы должны решить, как и когда простимся с ним.

Глава 6

Похоронный Дом

Вокруг здания росли неприхотливые пальмы, аккуратно подстриженные кустарники, стояли скамейки под тенью развесистой и высокой вечнозеленой магнолии. Парковка вокруг похоронного дома была зацементированной, с разметкой для машин, как при любом супермаркете или бензоколонке, но пустующей.

«Никого сегодня не хоронят», – сделала вывод Мишель.

Фред слегка подтолкнул падчерицу, которая остановилась как вкопанная.

Они зашли внутрь и оказались в фойе: пастельные тона – занавески, обои, огромная икебана на полу в углу из искусственных цветов... Статуя женщины с крыльями, закрывающей лицо руками в немом экстазе оплакивания мертвых. Небольшой панельный фонтан с голубой подсветкой. Вода журчала успокаивающе, и вообще, место располагало к себе своим дизайном.

Мишель обратила внимание на полы – чисто вымытый линолеум. «Практично», – подумала она. И тут же удивилась, что ей в голову лезут не те мысли, какие нужно. А какие – нужно?

В фойе их встретила седая подтянутая женщина в сером

костюме с серебристой брошью и серебристыми браслетами на запястье. Она вышла из-за своего письменного стола с мраморной столешницей, тихо поздоровалась.

«Секретарша», – решила Мишель, удивившись, что некоторые старушенции в таком возрасте еще и работают, вместо того чтобы наслаждаться заработанной пенсией, нянчить внуков, смотреть сериалы, играть в теннис и ездить по курортам мира...

– Мистер Редмонд? – Женщина протянула Фреду руку с аккуратным маникюром.

Фред кивнул, аккуратно пожал ее, так же нежно, как когда-то поднимал с земли жабу, чтобы показать любознательному сыну безобидную рептилию.

– Я Патриция Слиптайт. Мы с вами разговаривали утром. Пройдите за мной, пожалуйста.

Мишель смекнула, что старушенция не просто секретарша, а хозяйка похоронного дома и ей доставляет удовольствие быть бизнес-леди. Она выглядела как те пожилые люди, кто прочитал книгу «Моложе с каждым годом», занимаются кардио шесть дней в неделю и волонтерствуют в церкви.

Из фойе они прошли в небольшой светлый зал. Там стояли кожаные диваны и огромные икебаны в высоких вазах. Воздух похоронного дома был наполнен какими-то ароматами. Мишель огляделась, пытаясь увидеть свечи. Свечей не было видно. «Может быть, они благовония какие-то жгут, чтобы смертью не пахло?»

В голове ее возник образ котяры, пожираемого червями на обочине дороги, и чувство тошноты подкатило к горлу.

Им навстречу вышел высокий молодой человек лет двадцати трех-двадцати пяти, чисто выбритый, в черном костюме и при галстукe.

– Мистер Слиптайт, администратор похоронного агентства, – представила его Патриция. В ее глазах светилась любовь к юноше.

«Сын или внук», – предположила Мишель.

– Здравствуйте, мистер Редмонд. Наши соболезнования, сэр, – произнес администратор, пожимая протянутую руку Фреда.

– Здравствуйте, – Фред огляделся по сторонам.

– Слиптайт, – четко, без улыбки, повторил свою фамилию молодой человек и протянул руку Мишель.

– Мишель, – девушка вяло пожала ему руку.

«Теплая...», – отметила она, чувствуя себя замороженной форелью, которую сейчас разморозят, оживят, проткнут шампуром, натрут чесноком и начнут поджаривать на костре. Как когда-то делали они с матерью и отцом, в далеком детстве, на рыбалке в национальном парке «Большая лагуна», что на окраине Пенсаколы.

Патриция вернулась в фойе, а мистер Слиптайт провел их в просторную комнату, с многочисленными окнами, светлыми портьерами, в которой поместились бы четыре внедорожника. Никакой привычной мебели. Только раскладные сто-

лы с бежевыми скатертями располагались вдоль трех стен и посередине, а на них, как экспонаты в музее, стояли гробы разных цветов и сортов.

У Мишель зазвенело в ушах и подкосились колени. В поисках опоры она прислонилась к стене и перевела дыхание.

Около каждого гроба небольшая табличка информировала покупателей о размерах товара, какой вес покойника он выдержит, а также о цене – от трех тысяч долларов. Розовые и голубые детские гробики стоили дешевле – от восьмисот долларов.

Голос директора центра звучал негромко, но четко, уверенно, грамотно, как будто он продавал страховку на дом или пылесосы нового поколения.

– Гробы бывают из нержавеющей стали, красного дерева, дуба или вишни, на выбор...

Мишель и Фред прошли по рядам, трогая последние пристанища для человеческих тел.

– Я не понимаю, – возмутился Фред, – как можно за гроб, который будет лежать в земле, выбрасывать пять-шесть-семь тысяч долларов? Не лучше ли в отпуск поехать? Или на образование внуков оставить? Или в фонд бедных отдать, или в благотворительную организацию «Загадай желание», если некуда девать деньги! Но зачем зарывать в землю? Мне все равно, где я буду гнить. – Он повернулся резко к падчерице и вопросом-пощечиной ударил ее.

– А ты?

– Я не хочу гнить, – она прошептала, опустив глаза к полу.

– Миром правит жажда соревнования, – поддержал разговор директор похоронного дома. Некоторым людям важно показать всему миру свое богатство, свою значимость. Посмотрите, мол, я круче всех, мой гроб лучше, чем ваш гроб? Дорогие похороны вполне способны усыпить осознание вины. При жизни не дали человеку любви и тепла, а посмертно пусть бриллиант почивает навечно в дорогой такой шкатулке. – У вас есть страховка жизни на усопшего? – поинтересовался мистер Слиптайт.

– Нет, – покачал головой обескураженный увиденными ценами Фред. – Я не думал о том, что придется хоронить сына, и мне в голову не приходило покупать даже самую минимальную страховку на него... А сколько стоит место на кладбище?

– Две с половиной тысячи, – мистер Слиптайт понял, что раскрутить новых клиентов на дорогие похороны не удастся. – Пройдемте в мой кабинет.

Мишель, удаляясь, оглядела еще раз комнату с гробами. Они ей казались сейфами, в каждом – постель для покойника, причем цвета подушки и покрывала гармонично сочетались. Эта элегантность ее особенно поразила. Девушке никогда не доводилось бывать в похоронных домах, да и похороны родного отца прошли без нее: так распорядилась Анжелика. Она не догадывалась, что понятия «дизайн», «элегантность» и «смерть» могут иметь что-то общее как ключ

и фонарик на брелочке.

Мишель задумалась, почему христианская традиция позволяла людям разлагаться в деревянной коробке под землей, ведь они занимают столько места...

В кабинете Слиптайта отчим и падчерица присели напротив письменного стола администратора, в удобные кожаные кресла с большими спинками и инкрустированными ножками.

– Такие кресла я видела в мебельном по штуке баксов, – неожиданно для себя произнесла девушка.

Ей стало противно от мысли, что похоронный дом, зарабатывая деньги на чужом горе, выпячивает свою роскошь. Ведь, по сути дела, какая разница, в каких креслах сидеть и говорить о смерти близкого человека?

– Нет, вы посмотрите на нее! Братишка по ее милости погиб, а она в чужой карман заглядывает! Расселась тут, задница живая, сама еще в жизни ни копейки не заработала, а судит о том, кто как тратит свои деньги! – Возмутился Фред, сплевывая откусанный ноготь. – Простите нас, мистер Слиптайт.

– Если ваши близкие мертвы, не важно, в каких креслах вы сидите, – промолвил хладнокровно Слиптайт, сжав тонкие губы и поглаживая держатель для бизнес-карт похоронного дома в виде мраморного гробика.

Мишель поняла, что в его дипломатическом арсенале бесед с клиентурой был набор таких мудрых и острых ци-

тат-иголок, вскрывающих гнойники недоразумений.

Мишель опустила глаза и стала отщипывать заусенец от пальца. Это чувство, смесь отвращения с осуждением, сменилось стыдом. Неужели она обыкновенная завистница? И как она вообще может спокойно рассматривать какие-то кресла, когда речь идет о ее братишке, к чьей смерти она имеет самое прямое отношение? – Мишель показалось, что стыд, как невидимый призрак, схватил ее за горло липкими холодными фалангами и начал душить. Она закашлялась.

Администратор достал две бутылки с водой из маленького черного холодильника и поставил на стол перед новыми клиентами. Его голос нарушил тишину и зазвучал по-деловому, словно он предлагал оформить кредит на покупку машины:

– Итак, мы применяем формальдегид для бальзамирования, чтобы тело выглядело презентабельно. Обычно мы использует три галлона формальдегида, заменяя этой жидкостью кровь покойного. Восемьсот долларов. Похоронная церемония стоит тысячу долларов. Если, конечно, вы решите устроить прощальный вечер, пригласить сюда родственников и друзей усопшего. Могила на местном кладбище стоит тысячу долларов, выкопать могилу – столько же, надгробный камень надо покупать. Вы можете оформить у нас кредит, но придется сделать предоплату. Тридцать процентов.

Мистер Слиптайт заметил вытянувшееся от изумления лицо Фреда и продолжил:

– Другой вариант – это кремация. И если вы не покупаете место для усопшего в кладбищенской стене, а забираете прах домой, то стоимость наших услуг всего тысяча долларов. У нас есть вебсайт, вы можете выбрать урну там.

Мишель смотрела на отчима, который словно впал в транс, уставившись на похоронные урны. Речь директора звучала для него как «бла-бла-бла-дайте мне денег-бла-бла».

– В какое странное новое время мы живем! – в сердцах сказала Мишель. – Похоронные дома свои сайты имеют! Бизнес на смерти и горе!

Слиптайт понимающе посмотрел на нее, как на наивно-го подростка, раскачивающегося на качелях максимализма и невежества.

– Я вас очень хорошо понимаю, – спокойно сказал администратор, словно поглаживая девушку долгим, спокойным, добрым взглядом. Таким взглядом можно было бы остановить взбесившуюся кобру. – Когда у людей беда, они часто не могут трезво мыслить. Им нужна профессиональная помощь. Доктора сервируют жизнь, а мы сервируем смерть.

– Простите, – выдавила из себя Мишель, покраснев, она посмотрела на внезапно вспотевшие ладони и откусила заусенец. Она поняла, что он был прав. Что с ней происходит?

Мистер Слиптайт встал из-за стола и подошел к книжной полке у окна, на которой стояли кроме книг... урны на любой вкус. Их словно гипнотизировал все это время зомбированный горем Фред.

Мишель обратила внимание на то, что деревянные урны были похожи на инкрустированные шкатулки для украшений, а мраморные – на вазы для цветов, но с крышками, также мраморными. Она увидела синюю коробочку с бархатной тканью внутри и шесть маленькими мраморными урночками серо-синего цвета. Любознательная девушка указала пальцем на них и спросила, откусывая с кровью заусенец:

– Почему их несколько? Урн – несколько?

Мистер Слиптайт взял в руки маленькую урну и спокойно ответил:

– Допустим, несколько детей и внуков желают разделить прах усопшего родственника. Мы можем предоставить не одну урну, а две, три, четыре. Каждый человек решает для себя сам, что ему делать с останками: кто-то хранит дома на видном месте в гостиной у камина, кто-то развеивает над океаном. Некоторые заказывают перстни, кулоны и даже елочные игрушки с пеплом покойного.

– Я надеюсь, моя орхидея, ты чувствуешь себя умнее, чем раньше, – съязвил Фред. – Спасибо за лекцию, сэр, она ей нужна. Я заплачу кредитной картой за бальзамирование, службу, кремацию и урну.

Мишель прослезилась, от его голоса уже ощущала себя в гробу своей вины.

– Можно увидеть братика? – спросила она тихо.

– Конечно, конечно. Пройдемте.

Они прошли в морг, где поблескивали столы из нержавеющей

щей стали, вероятно, для бальзамирования усопших, а вдоль одной стены располагалась ниша-холодильник с несколькими отсеками-дверцами. Там лежали замороженные усопшие, терпеливо, даже с некоторым безразличием, ожидавшие похорон или кремации.

Мистер Слиптайт выдвинул из стены ячейку с детским тельцем. Фред бросился к Остину с поцелуями. Девушка не нашла в себе смелости подойти ближе и прикоснуться к братику. У нее закружилась голова, и она села на корточки, прислонившись спиной к холодной стене морга.

– От чего он умер? От потери крови? – выдавила, борясь с тошнотой, Мишель.

– От твоей дурасти, – рявкнул Фред и отошел от сына. Слиптайт задвинул тело Остина в ячейку холодильной ниши.

Девушке показалось, что она вот-вот потеряет сознание, но откуда-то изнутри горячая волна вернула ей силы, она распрямилась и вышла из морга.

– Я позвоню вам вечером, – бросил Фред, проходя мимо холеного Слиптайта и его старенькой родственницы.

– Наши соболезнования, – привычным сочувствующим тоном сказала ему вдогонку секретарша, позвякивая браслетами на худящей ручонке. – У нас большая зала для прощальной церемонии и столовая, вы можете заказать пиццу или любую другую еду из ресторана для поминального обеда.

– Да никакой нормальный человек не сможет кусок в рот взять после лицезрения ребенка в гробу! Вам какую пиццу,

с колбасой или грибами? Остин ваш выбор оценит!

Фред проигнорировал протянутую руку директора и устремился к выходу, смахивая слезу. Мишель поспешила пожать руку мистеру Слиптайту, чтобы ощутить его тепло своими вечно прохладными ладонями.

Глава 7

Капитан Кранч

Через пару минут Мишель и Фред брели по направлению к забегаловке «Капитан Кранч», штампующей дешевый фаст-фуд, где подрабатывал Стив. Здание напоминало ирландский ресторан салатowego цвета, но вместо листика клевера на крыше красовался капитан Крюк из сказки про Питера Пэна, в треуголке с рыбой на своем крюке. Вместо зеленой лужайки вокруг кустов роз и небольших вечнозеленых кустарников землю сплошным одеялом покрывали красные булыжники. Около кафешки была детская площадка в тени раскидистого дуба, и это место притягивало семьи перекусить и выгулять отпрысков.

На двери висело объявление: «Требуются новые члены в нашу команду!»

Мишель скривила губы и вошла. Ей было забавно, как это так, поварята и кассиры называют себя командой, как будто у них тут, как у мушкетеров, «один за всех, и все за одного!»

На кассе стоял Стив. Как положено, он поприветствовал посетителей, Фред хмуро кивнул ему и заказал рыбные сэндвичи с картошкой фри и кока-колой.

Когда еда оказалась перед ними, Фред смотрел на свой сэндвич, вспоминая как Остин обожал точно такие же. Он

выглядел небритым и бледным, словно не ел больше суток. Попивая колу, Фред словно гипнотизировал играющих ребятшек на детской площадке за окном. Его рука судорожно сжала одноразовый стакан, тот не выдержал давления и на стол пролилась кола со льдом.

– Проклятье, – Фред стал вытирать стол салфетками.

Мишель укусила свой сэндвич, и поняла – ее вкусовые рецепторы ее предали. Еда была как вата или резина. И желания зачихивать в себя это моментально пропало, но с Фредом она не стала делиться этим.

– Я не понимаю, почему у нас нет денег на похороны. Разве государство не помогает гражданам в беде?

– Помогает, – сухо ответил отчим. – Нам вышлют чек на двести пятьдесят пять долларов. После того как мы купим у похоронного дома сертификат о смерти. Этого не хватит ни на гроб, ни на кладбищенское место. На покупку дешевенькой урны хватит...

Мишель косо посмотрела на своего парня, который обслуживал у кассы других посетителей. Он выглядел опрятным, спокойным и доброжелательным, как человек, у которого совесть чиста, как безоблачное небо или слеза младенца.

– В нас же врезался Стив. Пусть их страховая компания платит за все, – выпалила Мишель и покраснела. Девушке стало стыдно, что она видит козла отпущения в своем друге.

Фред от ее слов поперхнулся колой и долго откашливался, прикрыв рот салфеткой и выпучив глаза. Когда кашель

отступил, отчим медленно объяснил юной глупышке:

– Страховая компания Стива и Криса выплатит нам за разбитую машину и частично оплатит лечение Анжелики в госпитале. И это все. Нам никто не должен за моральный ущерб, медовая моя.

– То есть мы не будем с ними судиться? – спросила Мишель. Ей не хотелось выступать ни в роли свидетеля, ни в роли обвинителя ни в каком суде, ради того, чтобы выжать деньги из участников аварии.

Но Фред воспринял вопрос иначе: маленькая дрянь не признавала за собой вины!

– Прокурор задал мне вчера такой же вопрос! Собираюсь ли я подавать на тебя в суд? Ведь по твоей вине погиб мой сын. Есть свидетели аварии, они дали показания. Убийство по неосторожности – так статья называется. Или несчастный случай, двадцать лет тюрьмы, – Фред смаковал эти слова, произнося медленно, чтобы до падчерицы наконец дошло, что ее свобода зависит от него.

Мишель представила себя за решеткой, в наручниках, двадцать лет тюремного заключения... Молодой девушке эта цифра показалась смертным приговором! От этих страшных визуализаций-слайдов она вдруг почувствовала себя усталой и пустой, выплюнутой жвачкой. И очень глупой.

– Наша семья перенесла достаточно горя. Я попросил прокурора не заводить дела, – сказал Фред, упоенный ужасом, который прочел на побледневшем лице падчерицы. Он был

уверен, что заставит ее еще поплясать, как оладыи на тефлоновой сковороде.

– Слава Богу! – Мишель выдохнула с облегчением.

– Тебе нужно срочно найти работу, – Фред пальцем нацертил восклицательный знак на столе.

– Зачем? Я хотела готовиться к поступлению в колледж! – возмутилась падчерица и начала покачиваться вперед-назад, сидя на своем месте.

– Одно другому не мешает. Школу ты в этом году закончила? Закончила! Баллы для бесплатного обучения в колледже не набрала? Не набрала! Я буду дома работать сиделкой, а ты станешь нас кормить. Вся надежда на тебя. – Фред говорил серьезно, без тени сарказма.

Мишель не верила своим ушам. Она распрямила спину, посмотрела в окно. Серые белки с облезлыми хвостами гонялись друг за другом по раскидистым ветвям вечнозеленого американского дуба. Девушка была заморожена их беспечностью. Дерево казалось почти магическим, с растущим из его коры ярко-зеленым папоротником и свисающими лохмотьями испанского мха, похожими на серые парики невидимых древесных русалок.

– Но мама же инвалид! Ей пенсия полагается.

– Ах, орхидея моя глупенькая, в нашей стране пенсию по инвалидности выбивать – это как ребенка вынашивать. Больше полугода уйдет. Я сегодня с утра, до твоей выписки, съездил в офис социального обеспечения, анкеты запол-

нил, потом всю документацию после выписки из больницы отправлю на рассмотрение государственным клеркам, которые примут решение. И первое пособие по инвалидности придет только через шесть месяцев.

– Откуда ты все это знаешь? – удивилась Мишель. Она не ожидала от Фреда такой осведомленности.

– Мой отец с циррозом печени долго ждал свое пособие и застрелился, не дождавшись. – Фред изобразил правой рукой пистолет и приставил два пальца к своему виску. Он прошипел со злостью, как кобра перед атакой: – Я ненавижу эту систему, эту бюрократию, мать ее, прости мою латынь. Только тот, кто никогда не ждал от государства подачи по инвалидности, может считать, что мы живем в самой лучшей стране в мире.

– А какая пенсия у мамы будет? – Мишель с ужасом поняла, что единственный доход семьи иссяк, а другого не предвидится...

– Да не ахти какая пенсия будет. Она же сначала была домохозяйкой, а сомнологом и десяти лет не проработала-то. Самое быстрое, что мы сможем получить, это фудстэмпы. Государство поможет нам с покупкой еды. И то, эту льготу надо больше месяца ждать.

Они убрали за собой столик, бросили грязные салфетки и несъеденную еду в мусорное ведро.

* * *

Фред попросил у Стива анкету о приеме на работу.

Перед ним стоял пацан, косвенно виновный в смерти его ребенка. А разве люди, виновные в смерти детей, заслуживают того, чтобы жить, дышать и любить? Фред отбросил от себя эти мысли, дробящие и так раскаленный от горя мозг. Он вернется к этой теме и поразмыслит на досуге о детоубийцах...

Мистер Редмонд вел себя непринужденно, по-деловому, так, как будто Стив совершенно постороннее лицо, и он его знать не знает, и знать не хочет. Мысленно он ему, конечно, раздробил череп кассовым аппаратом прямо там, в забегаловке. Правда, Фред не стал ублажать свое воображение кровавыми фантазиями, но легче на душе стало сразу.

Фред, как истинный американец и человек адекватный во всех отношениях, умел скрывать свои настоящие чувства и расплываться в улыбке, не вынимая из глаз осколки враждебности.

* * *

Мишель поплелась за отчимом. Они шли час: маршрут автобуса не проходил через их спальный район.

– Без машины как босиком, – буркнул в конце пути Фред. – Как мне надоел этот маленький город. Редкие автобусы, которые ходят только пять дней в неделю, да и то только через два часа!

Они зашли в магазинчик «Семейный доллар». Фред подвел Мишель к полке с памперсами для взрослых. Они в замешательстве стояли и разглядывали товары, которые раньше никогда не покупали.

– Какие выберем? Размер, цвет? Тебе какие приятно будет в руки брать, голубые, белые или розовые? Твоей маме они теперь нужны. – Фред выдавил иронию сквозь зубы как слюну.

Мишель не знала, что ответить. Она еще не задумывалась о том, что ее мать настолько инвалид, что подгузники для взрослых стали реальностью. В ее глазах отчим читал неуверенность и замешательство.

– Ну что мне, жонглировать ими, что ли, чтобы ты скорее приняла решение? – спросил он. Фред с огромным удовольствием засунул бы ей в глотку один такой подгузник, да подальше, чтобы она задохнулась и больше не смотрела на него своими глупыми глазами.

Нет, это для нее была бы слишком легкая смерть. Он должен пофантазировать и придумать что-нибудь более оригинальное.

Глава 8

Новая жизнь Мишель

Когда они вернулись домой, Мишель взяла свою красную губную помаду, и написала на зеркале: «Остин.» Затем она отключила свой ноутбук и телефон и провела несколько часов в постели, зажмурившись, вспоминая времена, когда они играли в прятки и устраивали чаепития с переодеваниями. Остин был ее маленьким другом, ее живой куколкой. Она не заметила, как отгрызла заусенцы на пальцах, пока они не превратились в кровавое месиво. Она ощущала внутреннее онемение. И вину. Онемение, вину и глупость. И усталость. Ей казалось, словно она наклонилась разглядеть коробочку хлопка, каких много на полях за городом, но сухое содержимое коробочки прыгнуло ей в рот и застряло в горле.

Дома Фред занялся подготовкой к похоронам Остина и возвращению жены из больницы. Он занимался вещами, которые показались Мишель странными. Например, убрался в комнате сына и положил его любимые конфетки на тумбочку около кровати, повесил замок снаружи двери и установил решетки на окнах.

– Что ты делаешь? – спросила девушка, когда тот закончил пылесосить детскую.

– Пусть все остается нетронутым.

– Как скажешь.

* * *

Мишель сперва пыталась найти увлекательную и высокооплачиваемую работу. Ей казалось неинтересным стоять весь день на ногах и лепить сэндвичи за семь долларов в час, как это делал Стив и многие другие подростки ее возраста.

Девушка подумала, что поскольку их курортный городок расположен на Мексиканском заливе и она обожает океан, то стоит поискать работу на берегу. Когда она обзвонила разные агентства, занимающиеся туризмом и уборкой отелей после отъезда отдыхающих, то выяснила, что в сезонных полумойках уже не нуждаются: июль, почти конец лета... И ей задавали один и тот же вопрос: «Есть ли у вас личный транспорт?»

Мишель вешала трубку, ей становилось страшно сесть за руль снова.

Читая газетные объявления, она поняла, что ее выбор невелик. В большинстве учреждений требовались люди или с образованием, или хоть с каким-то опытом работы, а не с пустой биографией, как у нее. Некоторые ее одноклассники с шестнадцати лет развозили пиццу и подрабатывали по вечерам в ресторанчиках. Но, поскольку Анжелика считала, что дети должны учиться и много читать, чтобы выбиться в люди, а не тратить время, бегая с подносами, Мишель никогда

нигде не пыталась подработать. Деньги на карманные расходы ей давала мама, а нечто экстравагантное типа очков от Версаче и обуви от Адидас или Найк ее не волновало. Мишель любила хорошо выглядеть, но мать ей с детства внушала, что все шмотки – и дешевые, и дорогие – одинаково надоедают, поэтому не имеет смысла выбрасывать деньги на ветер.

«Это такая игра, в которую играют люди, не дай Бог, ты запутаешься в этом тратить-тратить-тратить дерьме», – утверждала Анжелика дочери не раз.

Мишель осознала, что не сможет беззаботно вести машину и не думать, протаранит ее какой-нибудь автомобиль или нет. Будущая работа должна быть около автобусной остановки, в противном случае кому-то придется Мишель туда постоянно подвозить. Может, Фред, забирая в забегаловке анкету, уже настроился на то, что Стив станет личным шофером Мишель.

Расстроенная, Мишель приступила к заполнению анкеты в кафешке «Капитан Кранч». Там были графы «укажите три предыдущих места работы», «укажите бывших менеджеров с предыдущих мест работы, которые бы за вас поручились», а также «друзья, которые дали бы вам рекомендацию», «состоите ли вы на учете в полиции», «есть ли у вас судимость».

Мишель жевала заусенцы, уставившись на вопросы.

В некоторых графах она поставила прочерк. Ей было страшно нырнуть в бассейн незнакомых людей и новых тре-

бований.

* * *

Церковь, которую посещала Анжелика, узнав о злосчастной аварии, взяла шефство над их семьей. Члены церкви договорились между собой, кто и когда будет доставлять горячий ужин в дом Редмондов. Некоторые привозили коробки с чистящими средствами, туалетной бумагой, продуктами и цветы в горшках. Люди пытались помочь чем могли, не заходя в дом, не докучая назойливыми вопросами.

Фред купил раскладное инвалидное кресло, не новое, но в хорошем состоянии. Он был поставлен в известность, что Анжелику нельзя в него усаживать несколько месяцев. Члены церкви доставили в их дом твердую кровать-трансформер, которая складывалась и давала возможность приподнять лежачего больного для кормления или, например, чистки зубов. Фред потратил несколько вечеров на просмотр видеороликов об уходе за парализованными людьми. Он узнал, что прикованных к постели пациентов не купают в ванне или под душем, а протирают, аккуратно переворачивая с одного бока на другой. В видеороликах эти действия проделывались медсестрами на манекенах.

Прощание с Остином состоялось в похоронном доме через восемь дней после его смерти. Фред подписал соглашение на бальзамирование сына, аренду голубого гробика и кремацию после службы. Конечно, можно было бы пойти более дешевым путем – кремация без службы и прощальной церемонии. Но он хотел, чтобы люди, знавшие его сына, и особенно Мишель, имели возможность посмотреть на его прекрасные черты в последний раз. Мальчик лежал в гробике как белокожая фарфоровая куколка. Словно уснул. Обезображенный поцелуями смерти череп был прикрыт кепкой.

Люди приезжали на своих машинах, парковались около похоронного дома, заходили в «зал прощания» и, поздоровавшись с отцом и сестрой усопшего мальчика, проходили к гробу, чтобы сказать последнее «прости», помолиться и задуматься о том, на что раньше не было времени. Тихие звуки классической мелодии наполняли зал, в воздухе витали запахи сандала и чайного дерева. Окна были занавешены темными шторами, в помещении царил полумрак, горели свечи, предоставленные похоронным домом и зажженные администратором.

Некоторые соседи пытаясь поддержать Фреда морально, сказали ему, что Остин теперь пополнил ряды ангелов и что Богу нужны чистые и невинные души там, в раю. Убитый

горем отец молча кивал, злясь в душе, что люди верят в такие сказки. Бог никогда не стал бы убивать детей, потому что ему якобы нужны чистые души! Глупости какие-то! Мистер Редмонд ненавидел людей за недалекость и невежество.

После прощания с Остином живые разъехались по своим делам. Только Фред и Мишель стояли у гробика, не в силах оторвать взгляд от обескровленного личика пятилетнего ребенка.

– Почему ты не хочешь его похоронить? По-христиански? – спросила Мишель угрюмого отчима. – Нам люди принесли деньги.

– Потому что я не хочу, чтобы его нежное тельце жрали черви. Не хочу даже думать о том, что мой сын гниет и разлагается в холодной земле.

Он повернулся к падчерице и спросил с издевкой в голосе:

– А ты как думаешь? Ты хочешь, чтобы его тельце медленно пожирали-смаковали черви?

У Мишель опять в ушах зазвенело, показалось, что земля уходит из-под ног, и она схватилась за гробик, чтобы не упасть. Почему все происходящее не является просто кошмаром, который в любой момент может закончиться?

Мистер Слиптайт появился тихо, извинился и напомнил о том, что тело нужно подготовить к кремации. Фред и Мишель поблагодарили его и ушли.

На следующий день мистер Редмонд получил мраморную урну с прахом сына и поставил ее к себе в спальню на трюмо,

около вазы с конфетами: хоть так он сможет быть рядом с ним – своей кровиночкой, своим нераспустившимся бутончиком, неоперившимся птенчиком!

Фред и раньше считал, что миром правит несправедливость. Ему было обидно, что он влип с наркотой по молодости и был финансово зависим от женщины. Но у него была отдушина – Остин. Фред не мог раньше спокойно смотреть новости, в которых сообщалось, что где-то погибли дети: в пожаре ли, перестрелке или от голода. У него слезы на глазах наворачивались от чужих трагедий: так близко к сердцу он их принимал.

Смерть детей он считал наивысшим проявлением несправедливости.

* * *

Прошло несколько дней. Анжелику выписали, Фред купил недорогую машину, а Мишель устроилась на работу в фастфуд.

Для девушки началась новая жизнь, без братишки и без матери. Это было странно. Никто не надоедал вопросами. Никто не наряжался тайком в ее одежды. Никому не было дела до того, подмела ли она полы на кухне после мытья посуды, сочетается ли ее сумочка с обувью или одеждой.

Фред учился ухаживать за Анжеликой, которая мало чем отличалась от мертвой, разве что дышала и могла самостоя-

тельно жевать и глотать. Он отстриг длинные волосы жены, как советовали учебные видео, чтобы легче было ухаживать за кожей головы.

Однажды Мишель, опершись о стену спальни, наблюдая, как Фред протирает ее маму влажной хлопчатобумажной тряпочкой, смачивая ее в тазике с водой.

– Вот так мы теперь купаемся, – прокомментировал он свои действия, заметив пытливо-виноватый взгляд падчерицы.

– Пожалуйста, Фред! Я не вижу смысла в моем присутствии, – сказала растерянно Мишель.

– Что, орхидея моя, не нравится лицезреть результаты своих ошибок? – спросил отчим. – Ты еще не видела, как вставляют глицериновые свечи!

– Не поняла, – пробормотала Мишель.

– Те самые штучки вон в той упаковке, которые от запоров. А это часть утренней рутины по уходу за парализованным больным, к твоему сведению. Тело инвалида не выталкивает отходы организма самостоятельно. Дошло теперь, кексик мой медовый?

Мишель было больно осознавать, что ее мать больше не в состоянии сама справлять нужду. Такая естественная человеческая потребность, о которой большинство людей даже не задумывается, становится для некоторых больных сущим адом. Девушка была уверена, что для ее матери настоящая жизнь не что иное, как ад. Ведь ад – это не какие-то там

раскаленные сковородки. Это прежде всего беспомощность, чувство униженности, потеря независимости и контроля над собственным телом.

Девушка представила, как Фред ежедневно стимулирует работу кишечника своей жены, принимает в «утку» ее каловые массы, подмывает... Почему она не может об этом не думать? Тошнота подступила к горлу, и очень захотелось выпить воды.

«Интересно, он использует одноразовые перчатки или нет? Скорее всего – да. А когда он потом моет судно, то с какими чувствами делает это? Какие проклятия призывает на мою голову?» – мысли, как огненные муравьи, не отступали, а жалили ее сознание.

Мишель не хотела вникать во все нюансы ухода за матерью и помогать отчиму. Ей казалось, что все это – такой интим, куда ей лучше не соваться. Она боялась: а вдруг ее захлестнут брезгливость и отвращение? Достаточно того, что чувство вины играло в гольф с ее мыслями-шарами по нескольку раз в день.

Девушка ушла в свою комнату от саркастических уколов Фреда. Надев ночную рубашку, открыла окно и настроила линзы телескопа на звезды. Звезды, как же вы далеко! Так прекрасны, так бесстрастны. Мишель пыталась найти успокоение в бескрайнем молчании светил.

Глава 9

Галлюцинация?

Но звезды не могли дать комфорта душе Мишель. Она пошла к зеркалу и стала расчесывать свои длинные каштановые волосы.

Вдруг, неожиданно для себя, она увидела вместо своего отражения лицо парня, обладателя фиолетовых глаз и таких же волос. Это он – убийца из ее кошмаров! Преодолев минутное смятение, Мишель оглянулась по сторонам и прошептала:

– Ты кто?

Она не узнала звук своего голоса: в такой шок поверг ее незнакомец в зеркале. Девушка закрыла на мгновение глаза, боясь вспугнуть галлюцинацию.

– *Я твой заключенный,* – ответил незнакомец в зеркале. При этом его губы не шевелились, Мишель словно слышала его ответ в своей голове...

– Я схожу с ума, – пробормотала она.

В сознании вспышкой замелькали серии картинок: авария, переворачивающаяся машина, разбившееся стекло! Скрежет металла. Вскрик Остина на заднем сидении.

Может, после аварии ее извилины запутались каким-то образом? Как пряжа, с которой поиграл развеселившийся

котенок? И она сходит с ума? Что, мало людей, которые после каких-либо потрясений заговорили на иностранных языках, вспомнили прошлые реинкарнации или решили, что являются разведчиками, Наполеонами, Шварценеггерами и президентами? Извилины запутались, и все тут...

Мишель отложила щетку для волос в сторону и промыла глаза холодной водой. Она давно мечтала вступить в контакт с другой цивилизацией, но представляла себе это иначе. Девушка не ожидала увидеть инопланетянина, похожего на человека, сперва в своих сновидениях, а потом уже – в зеркале, вместо собственного отражения. Что-то тут было непонятно...

Тут без стука в ее комнату зашел Фред и загляделся на силуэт Мишель. В руке он сжимал рамку с фотографией сына. Без единого слова он поставил фоторамку на комод зеркала, подошел к карте звездного неба и провел пальцем от одного созвездия к другому.

Мишель легла в постель под одеяло. Чувствуя неловкость от молчания отчима, она спросила:

– Ты веришь в инопланетян? – Ей казалось, что если она отвлечет Фреда от его депрессии хоть чем-то, то мир между ними начнет восстанавливаться. В конце концов, они оба – живые, почти родные люди, и им жить под одной крышей.

Фред повернулся к ней и посмотрел, словно ей нужна была пересадка не только мозга, но и всей головы. Потом вспомнил, что она никогда не была нормальной и адекват-

ной, и к психиатру на обследование ее Анжелика водила, и к священнику. Психиатр объяснил им, что дети с антисоциальным расстройством личности подобны лебедю, который не умеет летать. Они как те, кто рожден с клеймом аутизма, предпочитают реальность с ее проблемами и дилеммами какому-то хобби. Мишель была помешана на уфологии, что отчиму казалось совершенно не применимым к земной жизни.

– Инопланетяне? Я чувствую себя пришельцем. Все, к чему я привык, у меня отнято. Я как будто живу на другой планете. Заботы и мысли – другие. Раньше в это время я читал Остину книжку. Он любил про животных, помнишь? Я не верю в инопланетян. Я верю в реальные вещи. Катетеры, памперсы, инвалидное кресло, медицинские счета и долг за похороны Остина, – его голос звучал все громче и жестче. – Две с половиной тысячи долларов, между прочим. Я думаю, что ты бы получила гранты и поступила в колледж без проблем, если бы не забивала голову всяким мусором.

Фред сорвал ее карту звездного неба со стены, бросил на пол, как мусор, который он имел ввиду, пнул и вышел из комнаты, выключив свет.

Мишель лежала и пыталась ощутить, что она испытывает к отчиму. Ни обида, ни злость не сотрясли ее существо подобно землетрясению, она тихонько встала, повесила карту обратно, затем снова легла в постель, посматривая в сторону зеркала.

Почему странный инопланетянин-убийца преследует ее?

Или воображение играет с ней в прятки?

Мишель уснула не сразу. Ворочалась, перебирала события прошедшего дня. Она боялась уснуть: а вдруг кровавый кошмар с разрезанием тел опять будет мучить ее? Девушка еще недавно так хотела чего-то необычного в своей заурядной жизни американского подростка. Сейчас, перемены опрокинули ее на обе лопатки как японский борец сумо.

* * *

Тусклая лампа на тумбочке около кровати освещала спальню Фреда. Он целовал глаза, шею Анжелики, растирал ее холодные ладони персиковым кремом с надписью: «Kiss my face» из магазинчика натуральных товаров «Эверман». Было видно, что он горит желанием близости, но недвижимая, как манекен, жена не отвечала взаимностью.

– Спящая красавица, просыпайся, хватит притворяться, – шептал он.

Но счастливый конец сказки о Спящей Красавице, проснувшейся от столетнего сна после поцелуя, так и не осветил его тусклую реальность.

Глава 10

Новая работа Мишель

Утро приветствовало ее солнечными зайчиками на стенах. Пора собираться на работу. Мишель надела форму за-бегаловки, в которой работала, – черные брюки и зеленую майку, наспех расчесалась и сделала хвостик. Пройдя на кухню, она выхватила из холодильника банан и съела его быстро вместо завтрака. Кожурой протерла листья маминых орхидей, которые отдыхали после цветения. Заверещал мобильный телефон.

– Стив, привет! Да, собираюсь. Ты сможешь за мной заехать? Нет? Уже на работе? Не знаю...

Девушка помчалась к матери в спальню. Полумрак помещения создавал гнетущее чувство, словно она вошла в гигантский грот или гроб. В комнате было всего одно окно, плотно занавешенное темными шторами. Мишель подошла к нему и впустила солнечный свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.